

В. Обнинский

Новый строй

Часть 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. Обнинский**
Новый строй: Часть 1 / В. Обнинский – М.: Книга по Требованию, 2021. –
170 с.

ISBN 978-5-458-05961-9

Манифест 17 октября 1905г.–8 июля 1906 г.

ISBN 978-5-458-05961-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

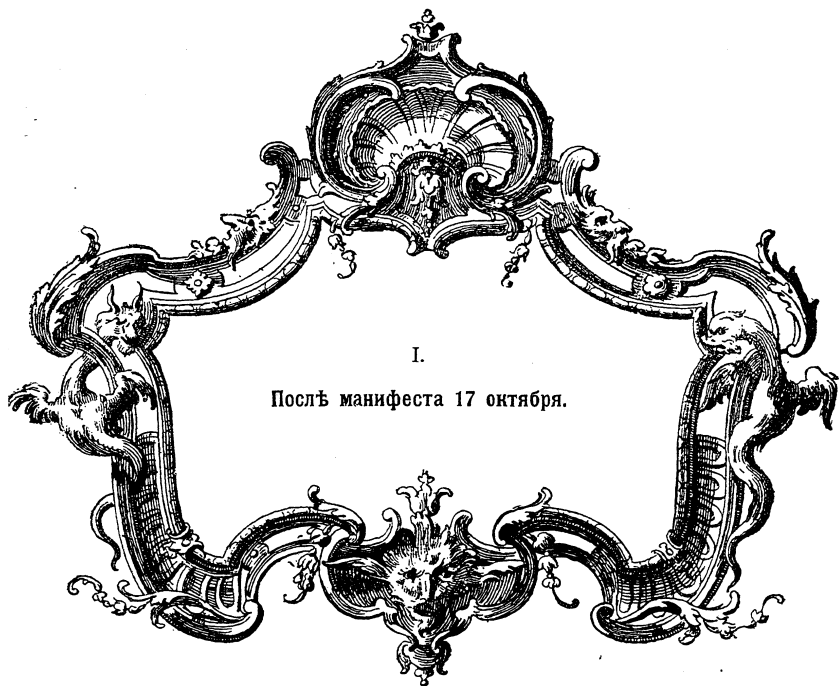
Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

Послѣ манифеста 17 октября.

Возникшій вскорѣ послѣ заключенія мира съ Японіей вопросъ о конституціи былъ поставленъ сколько-нибудь опредѣленно лишь въ началѣ октября. Обычныя въ высшихъ правительственныхъ сферахъ тренія усиливались вспыхнувшей въ то же время всеобщей забастовкой, отдѣлившей столицу отъ страны, и еще 16-го октября будущей строй Россіи рисовался наверху правленія столь же неясно, какъ и внизу.

Спѣшность, съ которой былъ составленъ, обсужденъ, подписанъ и изданъ манифестъ, обращавшій Россію въ конституціонное государство, отразилась и на всѣхъ дальнѣйшихъ стадіяхъ этого обращенія; она какъ бы дала тотъ быстрый, порывистый темпъ теченію событій, къ которому только долго спустя привыкло наше сознаніе.

Способность ярко реагировать на яркія явленія естественно должна была постепенно притупляться, но значеніе явленій не стало отъ того меньшимъ. Нельзя, поэтому, основывать никакихъ заключеній на томъ или иномъ отношеніи населенія къ фактамъ аналогичнаго характера, раздѣленнымъ между собой промежутками тревожнаго времени; такъ, напримѣръ, роспуски первой и второй Государственныхъ Думъ, разоблаченіе кн. Урусова и дѣло Азефа, аграрное сообщеніе перваго парламента и законъ 9 ноября—всѣ эти событія вызывали волны разной высоты, далеко, впрочемъ, не достигавшей до подъема, наступившаго послѣ изданія манифеста 17 октября. Въ непривычной и жуткой тишинѣ остановившейся съ начала мѣсяца жизни призывъ Монарха къ успокоенію, объявленіе свободы и дарованіе законодательныхъ правъ Государственной Думѣ прозвучали съ рѣзкостью, дотолѣ неслыханною. Нельзя было, конечно, ожидать, чтобы на слова этого высокаго акта всѣ отозвались бы съ одинаковой готовностью внести свою долю труда въ ликвидацию водворившейся еще съ 9 января смуты; но съ другой стороны, едва ли у многихъ возникали тогда опасенія той контръ-революціонной вспышки, свидѣтелями которой довелось быть такъ скоро многимъ русскимъ городамъ. Россія вступала въ полосу «неограниченныхъ возможностей», и нельзя указать и нынѣ конца этого тяжелаго пути.

Почта и телеграфъ еще бездѣйствовали въ утро 17 октября. Мѣстныя власти оставались во все время забастовки внѣ прямыхъ сношеній съ центральнымъ правительственнымъ органомъ и немудрено, что многіе представители ихъ требовали подтвержденія манифеста особыми распоряженіями прежде, нежели рѣшались объявлять населенію Высочайшую волю. Сомнѣнія эти къ серединѣ дня 18 октября были разсѣяны, и текстъ манифеста сдѣлался извѣстнымъ городскому, по крайней мѣрѣ, населенію. Однако, полная несогласованность дѣйствій отдѣльныхъ органовъ правительства, отсутствіе предварительнаго соглашенія министровъ внутреннихъ дѣлъ и военнаго съ оберъ-прокуроромъ синаода и другія неизбѣжныя послѣдствія всякой спѣшки въ дѣлахъ государственной важности, не замедлили отразиться самымъ пагубнымъ образомъ на ближайшихъ къ манифесту дняхъ и были одной изъ причинъ возникшихъ демонстрацій, которыя легли столь темнымъ пятномъ на свѣтлый фонъ тогдашняго общественаго настроенія. Къ тому же, конституція застала большую часть населенія неподготовленной къ ея воспріятію,—слишкомъ долго ожидаемый дорогой гость часто застаётъ врасплохъ извѣрившуюся въ его приходѣ семью. Справа и слѣва болѣе развитой массы находились какъ разъ тѣ группы, среди которыхъ пропаганда крайнихъ рѣшеній могла встрѣтить благодарную почву. И если вліяніе слѣва не отри-

цается политическими партиями, поставившими на своих знаменахъ исполнѣ опредѣленные надписи, то вопросъ о воздѣйствіи справа и доселѣ не потерялъ своей остроты и таинственности. Дѣло въ томъ, что въ дни 18—30 октября не существовало партій правѣ конституціонно-демократической, и будущіе кадры, такъ называемыхъ «монархическихъ» организацій, находились еще въ распыленномъ состояніи; техника же патріотическихъ манифестацій была повсюду настолько однообразна, стройна по плану и исполненію, что мысль о наличности организованнаго руководства напрашивалась сама собой. Организованы же въ то время были только правительство и его оппозиція. Совершенно, поэтому, опредѣленно было выдвинуто въ известной части печати, а затѣмъ въ запросѣ Государственной Думы, обвиненіе въ контръ-революционной пропагандѣ и даже самой организаціи выступленій—чиновъ правительства и администраціи. Столь же категорически правительство отрицало какое-либо воздѣйствіе свое на невѣдественныя массы и ручалось за то, что ни одно административное мѣсто или лицо не получало отъ него ни санкціи, ни указаній. Такимъ образомъ какъ бы выяснялось существованіе третьей, самой сильной группы, открытію которой были посвящены немалыя усилія первой Думы, печати и даже такихъ высокыхъ чиновъ правительства, какъ предсѣдатель совѣта министровъ, директоръ департамента полиціи, товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ и др.

Прежде, однако, чѣмъ перейти къ обзору документальныхъ данныхъ, положенныхъ въ основу сообщеній печати думскихъ запросовъ, мы должны посѣтить тѣ города, гдѣ дни свободы были наиболѣе омрачены проявленіями того движенія, которое въ концѣ концовъ выразилось въ погромахъ.

Какъ уже сказано, день 17 октября не сулилъ ничего печальнаго. Правда, ни одна изъ тогдашнихъ политическихъ партій не была удовлетворена манифестомъ, неясность положеній коего вызвала столько же сомнѣній, сколько и самая способность стоявшихъ во главѣ правленія лицъ осуществить задачи, указанныя Монархомъ. Въ резолюціяхъ съѣзда констит.-демократической партіи, забастовочнаго желѣзнодорожнаго комитета, центрального бюро союза союзовъ, забастовочнаго комитета при бюро союза чиновниковъ, академическаго союза, правленія Пироговскаго общества врачей и др.,—всюду звучитъ эта нота недовѣрія. Съ другой стороны, городскія и земскія управы, нѣкоторые университеты и другія учрежденія спѣшатъ выразить свою радость и готовность содѣйствовать правительству. Наконецъ, настроеніе массъ, приподнятое и оживленное, чуждое опасливости политическихъ бюро, опредѣленно указывало на популярность тезисовъ манифеста и вѣру въ ихъ исполненіе. Общее единодушіе

проявлялось только въ требованіи амністіи политическимъ преступникамъ и освобожденія заключенныхъ. Начиная съ посѣщенія графа Витте В. Семевскимъ и проф. Н. Карѣевымъ, съ резолюціей митинговъ и собраній, кончая депутаціями горожанъ къ губернаторамъ и прокурорамъ, повсюду выдвигается просьба объ амністіи. Въ Москвѣ, Виадавѣ, Саратовѣ, Ташкентѣ, Ревелѣ, Баку, Новочеркасскѣ, Одессѣ, Ковнѣ, Козловѣ и многихъ другихъ городахъ администрація на свой страхъ освобождаетъ часть заключенныхъ. Кое-гдѣ толпа сама распоряжается у тюремъ (Полтава, Новозыбковъ), встрѣчая подчасъ сопротивленіе караула, исполняющаго свой долгъ, при чемъ проливается и первая кровь этихъ дней; такъ, въ Севастополѣ было околото тюрьмы убито шесть человекъ, но манифестанты все-таки сохранили спокойствіе. Къ 21-му октября, когда вышелъ указъ сенату объ амністіи, вопросъ этотъ временно потерялъ остроту, и демонстраціи у тюремъ прекратились, тѣмъ болѣе, что вниманіе обывателей направилось въ иную сторону.

Уже 17 числа появились признаки той двойственности въ дѣйствіяхъ администраціи, которая такъ подчеркивалась потомъ сторонниками взгляда объ участіи чиновъ правительства въ контръ-революціи. Обстрѣлъ петербургскаго технологическаго института, атака конно-гвардейскимъ эскадронъ, вопреки запрещенію полиціи, уличной толпы, стрѣльба на Загородномъ проспектѣ, явное противорѣчіе между приказами генерала Трепова и распоряженіями гр. Витте,— это уже указывало на раздвоеніе власти. Соотношеніе этихъ двухъ вліяній было при этомъ таково, что, напримѣръ, совѣтъ рабочихъ депутатовъ отказался отъ демонстративныхъ похоронъ убитыхъ за 17—19 октября людей, боясь грандіознаго разстрѣла процессіи. Въ то же время появились первыя воззванія къ избіенію интеллигенціи и начались нападенія небольшихъ группъ простонародья на рабочихъ, студентовъ и др. лицъ. Союзъ союзовъ призывалъ къ самооборонѣ, указывая на возможность погрома. Слѣшно кинулись раскупать оружіе, во многихъ мѣстахъ начались дежурства дружинниковъ и къ 29-му октября Петербургъ былъ покоенъ,—силы перемѣстились въ невыгодномъ для лицъ, желавшихъ вызвать уличные беспорядки, направленіи. По той же причинѣ прошли безъ кровопролитія и необычныя похороны Баумана въ Москвѣ; но вечеромъ, по возвращавшимся съ кладбища отдѣльнымъ группамъ студентовъ была открыта у самага зданія университета стрѣльба, въ которой приняли участіе казаки, находившіеся въ манежѣ, при чемъ было ранено и убито около сорока человекъ. Съ утра 21-го начались въ Москвѣ систематическія нападенія на интеллигенцію и рабочихъ, и графу Витте пришлось снова сноситься съ ген. Треповымъ о прекращеніи этихъ явленій.

Независимо отъ того, были ли эти избіенія кѣмъ-либо внушены, слѣдуетъ разъ навсегда установить, что въ большихъ городахъ, каковы обѣ столицы, всякія попытки къ массовому вооруженному выступленію заранѣе обрекаются на неудачу. Милліонное населеніе является собою плотину, о которую разбивается всякое стремленіе вызвать затяжные беспорядки, и только популярность идеи, положенной въ ихъ основу, можетъ привести къ частичному и временному успѣху, какъ то было во время московскаго вооруженнаго возстанія; идея погрома не могла найти здѣсь многихъ сторонниковъ и, какъ бы ни была выполнена, большого вреда не нанесла бы ни людямъ, ни движенію, увлекавшему ихъ.

Не то въ губернскихъ и уѣздныхъ центрахъ. Вліяніе мѣстной власти, процентное соотношеніе вооруженной силы, сознательнаго населенія и городского отребья, все сказывается сильнѣе на мѣстномъ обиходѣ. Здѣсь же, на периферіи, склонны преломляться и искажаться всякія распоряженія изъ центра. Даже въ столицахъ телеграммы, подобныя той, что была разослана по участкамъ московскимъ градоначальникомъ Медемомъ, вечеромъ 18-го октября, могли быть истолкованы превратно; она гласила: «Внушить всѣмъ окологороднымъ и городовымъ, чтобы они въ случаѣ патріотическихъ манифестацій не оказывали сопротивленія, а, наоборотъ, содѣйствовали охраненію порядка». Какъ понимаютъ такого рода обращенія низшіе полицейскіе чины, извѣстно каждому обывателю; поэтому жители замоскворѣчья не были удивлены, когда начали получать приглашеніе черезъ полицію участвовать въ манифестаціи, при чемъ дворники входили въ составъ будущей процессіи по служебному своему положенію; объявлялось при этомъ, что пойдутъ «тѣ, что за царя». Отождествленіе правительства съ Монархомъ, проводимое, какъ ниже увидимъ, до высшихъ предѣловъ управленія страной, въ данномъ случаѣ особенно должно было сказываться на отношеніи низовъ населенія къ организованной его части; то, чего не подумали бы сдѣлать въ защиту отдѣльныхъ органовъ или лицъ правительства, легко приходило на умъ при упоминаніи объ умаленіи правъ государя, угрозъ его жизни. Схема пропаганды, опять же, независимо отъ ея агентовъ, становилась проста и коротка: «Забастовщики, евреи, студенты — противъ царя, простой народъ за него. Истребленіе крамольниковъ — дѣло патріотическое». На такой канвѣ всякія руки могли вышивать узоры, и въ одну недѣлю возникъ, бурно протекалъ и плачевно закончился рядъ погромовъ. Программа ихъ поражала однообразіемъ: толпа, впереди которой несли національные флаги и портреты Государя Императора въ хорошихъ золоченыхъ рамкахъ, подходила къ губернаторскому дому; губернаторъ становился иногда во

главѣ шестивя, направлявшася затѣмъ къ соборной площади, гдѣ архіерей служилъ молебенъ; въ хвостѣ процессіи замѣчались группы нетрезвыхъ людей, среди которыхъ обычно и возникала мысль объ истребленіи крамольниковъ. На второй день безпорядки начинались съ утра, а на третій быстро прекращались по объявленіи запрещенія всякихъ вообще процессій. Среди манифестантовъ циркулировали списки будущихъ жертвъ погрома и находились вожаки, хорошо ориентировавшіеся среди городскихъ улицъ и квартиръ. Дѣйствія гражданской и военной властей не всегда согласовались; но и въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская слагала свои полномочія въ пользу военной, теченіе и результаты манифестацій оставались неизмѣнными. Вздорный слухъ о томъ, что «евреевъ разрѣшено бить три дня», находилъ какъ бы подтвержденіе въ трехдневномъ срокѣ большинства погромовъ, а неосторожныя слова иныхъ начальствующихъ лицъ комментировались въ томъ же смыслѣ. Постепенно нарастало общее мнѣніе о прикосновенности властей не только къ искусственному возбужденію инертной части населенія, но и направленію ея на разгромъ имущества и лишеніе жизни мирныхъ гражданъ. Острота момента, слѣдовавшаго за манифестомъ, способствовала, вѣроятно, укрѣпленію такого мнѣнія въ широкихъ массахъ, и хотя послѣдующія разоблаченія и отчеты сенаторовъ-ревизоровъ внесли въ него нѣкоторыя поправки, но искоренить не могли, равно какъ не искоренило его и оправданіе сенатомъ преданныхъ суду за бездѣйствіе власти градоначальниковъ и губернаторовъ. Такимъ образомъ, правильное или нѣтъ, сомнѣніе въ неприкосновенности правительства къ контръ-революціи существовало, разлагая порядокъ и безмѣрно затрудняя положеніе и политику самого правительства.

Октябрьскіе погромы захватили преимущественно тѣ города, гдѣ и освободительное движеніе проявлялось съ особой силой. Нельзя отрицать наличности нѣкотораго раздраженія, вызваннаго забастовками, отражавшимися на благосостояніи круговъ, къ политическому движенію относившихся если не отрицательно, то совершенно равнодушно. Что касается до демонстрацій съ красными флагами и митинговъ революціоннаго характера, то едва ли они оказывали какое-нибудь вліяніе на пробужденіе патріотическихъ чувствъ; иное дѣло—обвиненіе демонстрантовъ въ уничтоженіи извѣстныхъ эмблемъ, портретовъ царствующаго императора, вензелей, флаговъ, надписей и т. п.; чрезвычайно трудно оказывалось установить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ истинныхъ виновниковъ этихъ поступковъ, бывшихъ прежде всего невыгодными для крайнихъ политическихъ группъ; но какъ бы то ни было, на такихъ актахъ искусно играла пропаганда избіеній, и чѣмъ интенсивнѣе, гдѣ шла общественная жизнь до

17-го октября, тѣмъ болѣе ожесточенный характеръ носили тамъ и погромы. Они переходили иногда даже въ хроническую форму, какъ то было въ Одессѣ.

Большой процентъ евреевъ въ городѣ и босяковъ въ порту создавали особенно удобныя условія для погрома въ *Одессѣ*, начавшагося 19 октября, послѣ обычныхъ слуховъ объ оскверненіи евреями религиозныхъ и національных святынь. По городу проѣхалъ, стоя въ коляскѣ, градоначальникъ Нейдгардтъ, съ портретомъ Государя Императора; ген. Каульбарсъ отказалъ, на приѣмѣ депутатовъ отъ города, въ приказѣ войскамъ дѣйствовать, и 20-го октября погромъ принялъ стихійный характеръ. Объявленіе Нейдгардта о письмѣ 30.000 мѣщанъ, якобы обѣщавшихъ разгромить университетъ, снятіе имъ же полицейскихъ постовъ и другія распоряженія не только не вносили порядка, но еще сильнѣй разжигали страсти. Къ вечеру 21-го, когда значительная часть еврейскихъ домовъ и магазиновъ была разгромлена, а убитые и раненые переполняли городскія больницы, вышелъ приказъ ген. Безрадецкаго о подавленіи насилія оружіемъ; на утро погромъ затихъ.

Въ *Кіевѣ* погромъ начался 18-го, одновременно съ молебномъ въ соборѣ; онъ сразу принялъ широкіе размѣры, почему уничтоженіе еврейскихъ домовъ и лавокъ было закончено уже на второй день. Полицеймейстеръ Цихоцкій впоследствии былъ преданъ суду, переведенъ на ту же должность въ Тифлисъ, гдѣ и застрѣлился въ 1908 году. Между тѣмъ, дѣйствія отдѣльныхъ чиновъ кіевской полиціи, исполнявшихъ свой долгъ, показали на легкость прекращенія погрома въ любой моментъ, несмотря на невѣрныя свѣдѣнія, которымъ преступники придавали официальный характеръ; такъ, слухъ о поджогѣ евреями голосѣвскаго монастыря и взрывѣ пороховыхъ складовъ былъ пушенъ по спеціальному телеграфу. Политехникумъ, университетъ, городская дума и отдѣльныя группы жителей Кіева обратились къ гр. Витте съ настоятельными представленіями о погромѣ, что и сюда была назначена сенаторская ревизія.

Въ *Кременчугѣ*, послѣ разгона митинга въ народной аудиторіи, при чемъ двое было убито, а десять тяжело ранено. Установлена помощь отдѣльныхъ нижнихъ чиновъ, а въ газетахъ открыто обвинялся мѣстный полицеймейстеръ, якобы получавшій отъ богатыхъ евреевъ по 3.000 рублей въ годъ за недопущеніе погрома; причиной послѣдняго и было будто бы неаккуратное доставленіе платы.

Ростовскій погромъ (на Дону) развился изъ противоеврейскихъ беспорядковъ, бывшихъ въ началѣ октября, и осложнился поджогами, вслѣдствіе которыхъ выгорѣли цѣлые кварталы. По свѣдѣніямъ германскаго консула, за три дня погрома было убито 176, ранено около

500 человекъ. Одинъ изъ нахичеванскихъ гласныхъ, внесшій въ думу предложеніе «выразить Государю Императору любовь и преданность, а его сіятельству С. Ю. Витте признательность городского населенія за мудрый и мужественный докладъ», утверждаетъ въ томъ же предложеніи: «Въ дѣйствіяхъ толпы замѣчалась полная планомѣрность. Она вышла съ иконами, національными флагами и портретами государя и, кошуствуя надъ этими святынями для сердца русскаго человека, остановилась у предназначенныхъ къ разгрому магазиновъ и при крикахъ «шапки долой!» и «ура!», помогала громиламъ и ворами разбивать и расхищать магазины».

Въ *Оршѣ* было убито болѣе сорока человекъ, исключительно евреевъ; показаніями православныхъ свидѣтелей установлено участіе нѣсколькихъ полицейскихъ чиновъ.

Кишиневскій погромъ былъ остановленъ въ одинъ день, убито 60, ранено 200. По докладу гр. Витте, котораго въ этотъ же день приговаривали на кишиневскихъ площадяхъ къ смерти, какъ «ставленника жидовъ», объявлена властямъ Высочайшая благодарность за скорое прекращеніе избиенія.

Въ *Саратовѣ*, несмотря на увѣщанія П. А. Столыпина, бывшаго тогда губернаторомъ, безчинства толпы продолжались два дня, причемъ изъ сотни пострадавшихъ 12 было убито.

Въ *Евродосіи*, гдѣ поджигались общественныя зданія съ людьми, при чемъ пожарнымъ не позволяли тушить огня, пострадало тоже около ста человекъ. Участникъ погрома, грузчикъ Крыловъ, подробно описываетъ организацію погромной процессіи и устанавливаетъ участіе полицейскаго чиновника.

Въ *Казани* начали стрѣлять по манифестантамъ милиціонеры, почему ожесточеніе толпы естественно возросло. Войсками были обстрѣляны городская дума, публичная библіотека и общественный банкъ.

Ярославскіе манифестанты избивали студентовъ на глазахъ представителей мѣстной администраціи. Дома евреевъ подвергались разгрому; большую часть толпы составляли грузчики судовъ. Профессора Демидовскаго лицея по телеграфу просили привлечь губернатора къ отвѣтственности.

Съ тою же просьбой командировала *Калужская* губерн. зем. управа своего предсѣдателя, Обнинскаго, въ Петербургъ. Докладъ депутаціи совпалъ съ донесеніемъ мѣстнаго жандармскаго управленія, но отвѣтственности никто не подвергся; впрочемъ, и самый погромъ не носилъ здѣсь того ожесточенія, что въ другихъ городахъ, хотя были и ранены, и звѣрски убиты.

Въ *Тульѣ* было убито болѣе сорока, ранено около ста человекъ.

Въ *Твери* погромъ начался еще 17-го октября избіеніемъ земскихъ служащихъ и поджогомъ зданія губ. зем. управы съ людьми, но 18-го уже кончился. Полицеймейстеръ былъ переведенъ въ другую губернію; губернаторъ Слѣщовъ, обвинявшійся обществомъ въ бездѣйствіи власти, былъ вполнѣдствіи убитъ въ *Твери* же.

На пожарѣ управы одинъ изъ высшихъ представителей мѣстной администраціи схватилъ себя за волосы и воскликнулъ: «Боже, что мы надѣлали! Вѣдь это же люди!»

Въ *Архангельскѣ*, среди другихъ погибѣ извѣстный профессоръ Гольдштейнъ. Въ меньшихъ размѣрахъ погромы произошли въ *Костромѣ*, *Новгородѣ*, *Пензѣ* и *Владимирѣ*. Въ м. *Калараши* было 60 убитыхъ, 80 тяжело раненыхъ, 350 погорѣльцевъ.

Странно закончился погромъ въ *Нижинѣ*: на пятый день разгрома представители хулигановъ подписали протоколъ объ ихъ согласіи прекратить избіенія, скрѣпленный печатю мѣстной думы.

На *Кавказѣ* манифестъ встрѣченъ былъ такъ же восторженно неорганизованной частью населенія и такъ же недовѣрчиво политическими партіями, особливо вліятельными соц.-революціонными группами «Дашнакцутюнъ» и русской. Въ *Тифлисѣ* выстрѣлы, произведенные въ процессію, въ которой участвовали кадеты и юнкера и объ организациі которой сообщаетъ поучительныя данныя пом. намѣстника, ген. Ширинкинъ, повели къ стрѣльбѣ войскъ. Убито въ городѣ и предмѣстьяхъ 98, ранено 75 человекъ.

Г. Баку громился въ теченіе недѣли; пострадали почти исключительно армяне, вражда къ которымъ издавна культивировалась среди татаръ. Что касается до *Грузіи*, то тамъ вспыхнуло революціонное движеніе, давшее поводъ къ посылкѣ, съ одной стороны, карательныхъ отрядовъ, съ другой—ревизоровъ. Ревизию въ Баку производилъ сенаторъ Кузьминскій. О результатахъ этихъ изслѣдованій будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ¹⁾.

Въ Сибири произошелъ совершенно исключительный погромъ въ г. *Томскѣ*. 20-го октября толпа народа, добывшая изъ полицейскаго

---

¹⁾ Незначительные по размѣрамъ погромы произошли въ тѣ же дни въ Александрополь, Сухумъ, Аккерманъ, Александровскъ, Анапьевъ, Арзамасъ, Балтъ, Бахмутъ, Бирзулъ, Брянскъ, Бѣлой Церкви, Великихъ Лукахъ, Великомъ Устюгѣ, Винницѣ, Воронежѣ, Вязьмѣ, Гадлячѣ, Генцескѣ, Голтѣ, Елисаветградѣ, Екатеринославѣ, Жмеринкѣ, Золотоношѣ, Иваново-Вознесенскѣ, Измаилѣ, Каменецъ-Подольскѣ, Курскѣ, Луганскѣ, Мариуполѣ, Могилевѣ (Подольскомъ), Николаевѣ, Новогородъ-Сѣверскѣ, Новогеоргиевскѣ, Новозыбковѣ, Новомосковскѣ, Новочеркасскѣ, Ольвиополѣ, Раздѣльной, Ромнахъ, Рыбинскѣ, Рязани, Симферополѣ, Стародубѣ, Суражѣ, Тирасполѣ, Умани, Херсонѣ, Челябинскѣ, Черниговѣ, Юзовкѣ и нѣсколькихъ другихъ мѣстечкахъ европейской Россіи.

участка портреты Государя, двинулась къ собору, но, встрѣтивъ по дорогѣ возвращавшихся съ митинга горожанъ, стала угрожать имъ кольями, вслѣдствіе чего со стороны послѣднихъ былъ произведенъ одинъ выстрѣлъ. Началось побоище, при чемъ избиваемые начали спасаться въ зданія театра и службы пути Сибирской ж. дороги, которыя и были немедленно обложены бушующей толпой. Вскорѣ оба огромныхъ дома горѣли вмѣстѣ съ находившимися въ нихъ людьми; выбѣжавшихъ и спускавшихся по водосточнымъ трубамъ добивали на улицѣ. Архіерейское благословіе съ паперти собора, находившагося на той же площади, не остановило громилъ, и въ этомъ отношеніи тѣ, что находились по другую сторону театра, были снисходительнѣе: они отбирали только у служащихъ деньги и отпускали живыми, указывая, какъ пройти мимо громилъ (слѣдовало брать въ руки громоздкую мебель, зеркала и притворяться грабителями). Въ соборѣ во время пожара и гибели тысячи людей шла обычная всенощная; губернаторъ, Азанчевскій-Азанчевъ, смотрѣлъ на площадь изъ окна своего дворца. Убито было полтораста, сгорѣло *тысяча* человекъ, тяжело ранено около восьмидесяти. На другой день громилась еврейскіе магазины, домъ городского головы; окончаніе погрома до истеченія трехдневнаго срока, вызвало, какъ всегда, неудовольствіе толпы. Губернаторъ былъ отозванъ, но также устраненъ былъ предсѣдатель суда, Витте, и судебный слѣдователь, производившій дознаніе о погромѣ. Участіе нѣсколькихъ полицейскихъ чиновъ установлено.

Особнякомъ стоитъ октябрьскій бунтъ въ Кронштадтѣ, принявшій огромные размѣры благодаря общей паникѣ; онъ не носилъ ни революціонной, ни патріотической окраски и былъ простымъ буйствомъ недисциплинированныхъ морскихъ и армейскихъ частей, ведшихъ себя не лучше манифестантовъ на материкѣ. Толпы мятежниковъ распоряжались въ городѣ, грабили, жгли и громили въ теченіе пяти дней, не щадя офицерскихъ собраний и дачъ, пока не прибыли изъ Петербурга гвардейскія части и артиллерія, загнавшія бунтовщиковъ по казармамъ.

Если нанести мѣста октябрьскихъ погромовъ на карту, получимъ пеструю картину, не дающую указаній на какую-либо закономѣрность этого явленія; были мѣста, гдѣ забастовка носила болѣе упорный характеръ, демонстраціи съ красными флагами появлялись чаще, а погромовъ въ нихъ не было; съ другой стороны, они возникали въ совершенно покойныхъ дотолѣ городахъ, какъ Калуга, Тула, Орѣлъ и др. Общей чертой было обвиненіе мѣстныхъ властей, преимущественно губернаторовъ, въ бездѣйствіи, попустительствѣ, даже организациі погромовъ, обвиненіе, котораго правительство гр. Витте не могло